УДК 343.2

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИЗНАСИЛОВАНИЕ И НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. Н. Примаков
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД (Беларусь)

На основе результатов сравнительно-правового анализа норм уголовного законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации, предусматривающих ответственность за изнасилование и насильственные действия сексуального характера, в статье определена законодательная позиция касательно установления основных уголовно-правовых признаков данных видов преступлений, обозначены проблемные и дискуссионные вопросы, связанные с их квалификацией в следственной практике, сформированы обоснованные выводы и предложения по их разрешению.

Для совершенствования норм законодательства, связанного с уголовно-правовой регламентацией обозначенных видов преступлений, как с точки зрения доктринального толкования теории уголовного права в части характеристики установления уголовно-правового деликта, так и установленного обществом уклада половых отношений в Союзных государствах обоснована необходимость в изменении правовой конструкции и некоторых квалифицирующих признаков ст. 166, 167 Уголовного кодекса Республики Беларусь и ст. 131, 132 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: *изнасилование, насильственные действия сексуального характера, сексуальное насилие, половая свобода, половая неприкосновенность, квалификация, уголовная ответственность.*

Введение. Изнасилование и насильственные действия сексуального характера являются одними из наиболее тяжких в категории преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы по характеру и степени общественной опасности. При совершении данных видов преступлений вред причиняется не только фундаментальному праву человека на личную неприкосновенность, но и его физическому состоянию, а последствия их совершения оказывают мощное негативное воздействие на психическое развитие и здоровье жертвы. Состояние потерпевшего лица после совершения акта сексуального насилия зачастую характеризуется проявлением посттравматического стрессового расстройства, депрессии и стигматизации со стороны общества, а нередко и наличием психического заболевания.

Для эффективного противодействия преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы прежде всего следует своевременно, с учетом реально существующих проблем следственной практики, законодательно четко и обоснованно регламентировать соответствующие нормы уголовного законодательства. Вместе с тем результаты проведенного анализа указанных норм показывают, что правовые конструкции основных составов ст. 166, 167 Уголовного кодекса (далее — УК) Республики Беларусь [1] и ст. 131, 132 УК Российской Федерации [2] практически в неизменном виде (по сути, технически) перешли из Уголовного кодекса РСФСР [3], действующего в прошлом столетии, и в настоящее время, по нашему мнению, требуют внесения существенных нормативных корректив. В первую очередь это обусловлено не в полной мере обоснованным разграничением преступлений рассматриваемой категории, а также изменением ранее сформированного в обществе уклада удовлетворения своих половых потребностей и в целом формирования половых отношений.

Целью настоящего исследования является изучение вопросов регламентации уголовной ответственности за изнасилование и насильственные действия сексуального характера в Республике Беларусь и Российской Федерации, опыта расследования и определения законодательных подходов в части квалификации объективных и субъективных признаков данных видов преступлений.

Основная часть. Как отмечалось ранее, одними из самых распространенных и общественно опасных посягательств в сфере преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации являются изнасилование и насильственные действия сексуального характера.

В УК Республики Беларусь дается определение понятиям «изнасилование» («половое сношение вопреки воле потерпевшей с применением насилия или с угрозой его применения к женщине или ее близким либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей») (ч. 1 ст. 166 УК Республики Беларусь) и «насильственные действия сексуального характера» («мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера, совершенные вопреки воле потерпевшего (потерпевшей) с применением насилия или с угрозой его применения в отношении потерпевшего (потерпевшей) или его (ее) близких либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей)») (ч. 1 ст. 167 УК Республики Беларусь) [1]. Схожие определения содержатся в УК Российской Федерации (ч. 1 ст. 131 и ч. 1 ст. 132 УК Российской Федерации соответственно) [2].

Основное отличие изнасилования от насильственных действий сексуального характера заключается в том, что в первом случае вид полового акта между мужчиной и женщиной традиционный (гетеросексуальный), а во втором речь идет о мужеложстве, лесбиянстве и обо всех иных неестественных формах и действиях сексуального характера, нарушающих половую свободу взрослых и половую неприкосновенность несовершеннолетних, то есть действиях, направленных на удовлетворение половой страсти или связанных с издевательством над жертвой, совершаемых помимо естественного полового акта, а также любых формах полового насилия женщины над мужчиной [4, с. 522]. При этом потерпевшим от насильственных действий сексуального характера, в отличие от изнасилования, где таковым является только лицо женского пола, также может быть и лицо мужского пола [5, с. 547].

Следует констатировать, что, разграничивая эти общественно опасные деяния на самостоятельные виды преступных посягательств, законодатели Союзного государства в основе своей руководствуются биологической (физиологической) позицией, связанной с формой совершения полового акта (естественной и неестественной). Однако, по нашему мнению, такое разграничение этих преступлений является не совсем обоснованным как с точки зрения сформированного в обществе уклада половых отношений и механизма удовлетворения сексуальных потребностей, при которых отклонения от естественных способов взаимоотношения полов (половые извращения) не запрещены и тем самым предполагают их совмещение с естественными, так и в соответствии с критериями установления наказания за совершение уголовно-правового деликта (качественно-количественного своеобразия общественной опасности деяния и отличительной существенной его вредности).

Об этом свидетельствуют и нормы уголовного законодательства ряда других зарубежных государств. Так, например, в ст. 222-23 Уголовного кодекса Французской Республики под изнасилованием понимается «любой акт сексуального проникновения какого-либо рода, совершенный в отношении другого лица путем насилия, принуждения, угрозы или обмана» [6]. В Королевстве Нидерландов изнасилованием признаются, по сути, любые действия лица, которые сопряжены с актом насилия (иными действиями) или его угрозой, с помощью которых другое лицо подчинилось действиям, содержащим или включающим проникновение в его тело половым путем (ст. 242 раздела XIV УК Королевства Нидерландов) [7]. При этом под «проникновением»

здесь понимается «фактическое введение полового органа или в половые органы» [8, с. 326]. В Уголовном законе Республики Польша под изнасилованием понимается половой акт, который осуществлен с помощью насилия, незаконной угрозы или обмана (п. 1 ст. 197) [9]. Аналогичная позиция в части включения в содержание понятия изнасилования естественных и неестественных форм половых актов прослеживается также в уголовном законодательстве таких зарубежных стран, как Соединенные Штаты Америки [8, с. 189], Китайская Народная Республика [10], Королевство Испания [11] и ряде других.

Еще одно противоречие в разграничении изнасилований и насильственных действий сексуального характера как самостоятельных видов преступлений в Республике Беларусь и в Российской Федерации заключается в том, что законодатели обеих стран при определении уголовно-правовых признаков и квалификации других преступлений, предусмотренных ст. 168, 170 УК Республики Беларусь и ст. 133, 134 УК Российской Федерации, закрепленных в соответствующих главах уголовного законодательства обеих стран, с аналогичным основным объектом посягательства квалифицируют действия виновного лица независимо от количества и способов совершения половых актов в естественной и неестественной формах как одно самостоятельное общественно опасное деяние [1; 2].

Иными словами, получается, что одни и те же противоправные действия с аналогичным объектом преступления, когда они сопряжены с насильственным способом при изнасиловании или насильственных действиях сексуального характера, образуют два состава преступления, а при понуждении к действиям сексуального характера, по сути, тоже одном из насильственных половых преступлений, либо когда эти действия не сопряжены с таковым при совершении сексуальных действий с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, образуется один состав преступления. Поэтому, как нам представляется, такой подход к их разграничению является не в полной мере корректным, и, соответственно, эти формы сексуального насилия, на наш взгляд, должны быть отражены в одной общей норме уголовного закона.

Проведенный анализ материалов уголовных дел по обозначенной категории преступлений показал, что, определяя признак «повторности однородных преступлений» при правовой регламентации общественно опасных деяний, предусмотренных ст. 166, 167 УК Республики Беларусь, белорусский законодатель исходит из формальной схожести уголовно-правовых элементов этих составов преступлений. Следовательно, если виновный совершает акт изнасилования в естественной форме и после этого, не прекращая противоправного поведения, насильственные действия сексуального характера непосредственно в любой другой форме либо, наоборот, в обратном порядке, то вменяемое ему второе деяние образует квалифицированный состав одного из указанных преступлений (ч. 2 ст. 166 либо ч. 2 ст. 167 УК Республики Беларусь) по признаку его совершения лицом, ранее совершившим изнасилование либо насильственные действия сексуального характера. Такой механизм позволяет применить к виновному более строгую меру ответственности по принципу полного или частичного сложения наказаний за каждое совершенное общественно опасное посягательство. Помимо этого, поскольку ответственность по ч. 2 ст. 166 или ч. 2 ст. 167 УК Республики Беларусь существенно строже, чем по основным их составам (до тринадцати лет лишения свободы), то также, в соответствии с установленной в уголовном законе классификацией категорий преступлений (ч. 3 ст. 72 УК Республики Беларусь), образуется особо тяжкое преступление и изменяются правила назначения наказания (максимальный срок сложения наказаний становится до двадцати лет лишения свободы) [1].

Таким образом, получается, что, помимо того, что по факту совершены однородные по своей сути общественно опасные деяния, которые, как отмечалось ранее, по нашему мнению, не в полной мере обоснованно определены как два самостоятельных преступления, действующий механизм назначения наказания за их

совершение и их квалификации позволяет избрать для виновного более строгую меру ответственности, чем за особо квалифицированные составы этих видов преступлений, в том числе когда могут быть последствия, связанные со смертью потерпевшего (по ч. 3 ст. 166 и ч. 3 ст. 167 УК Республики Беларусь максимальный срок наказания в виде лишения свободы составляет до пятнадцати лет) [1]. Можно предположить, что законодатель, разрабатывая данный уголовно-правовой механизм, прежде всего руководствовался положением, связанным с защитой половой неприкосновенности несовершеннолетних, поскольку в квалифицированных составах данных видов преступлений закреплен соответствующий признак. Однако, на наш взгляд, в таком случае их необходимо было бы более детально разграничить и закрепить в разных частях рассматриваемых уголовно-правовых норм.

Об обоснованности вышеизложенной позиции свидетельствует и правовая конструкция ст. 131, 132 УК Российской Федерации, в которых отсутствует признак взаимозаменяемой повторности, определяемый при изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера по смыслу их однородности. Вместе с тем нельзя не отметить и тот факт, что в указанных статьях российского уголовного закона в целом отсутствует уголовно-правовой признак повторности для каждого из этих составов преступлений, что, по нашему мнению, является существенным правовым пробелом и требует редакционного исправления.

Дискуссионным вопросом в практике применения норм уголовного закона остается оценка законодателем беспомощного состояния потерпевшей, наступившего в результате пребывания ее в состоянии алкогольного (наркотического) опьянения либо в естественном состоянии сна, при совершении преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы (изнасилования и насильственных действий сексуального характера) и совершении преступлений против жизни и здоровья (убийства и умышленного причинения тяжкого телесного повреждения). Так, при расследовании последней категории преступлений нахождение потерпевшего в указанных состояниях не является разновидностью беспомощного состояния, а при расследовании преступлений, связанных с сексуальным насилием, является. Авторы в юридической литературе критически высказываются о проблематике такого толкования и неоднозначности подходов к оценке беспомощного состояния в следственно-судебной практике [12, с. 9–16].

Вопрос о наличии состава изнасилования при нахождении потерпевшей в состоянии естественного сна должен решаться индивидуально, исходя из конкретных обстоятельств совершенного преступления. По утверждению специалистов и судебных экспертов, «совершить половой акт с женщиной так, чтобы она при этом находилась в состоянии сна, возможно только в случае, когда у нее, прежде всего, ранее уже были дефлорированы половые органы и перед сном она была очень сильно утомлена» [13, с. 31].

Отдельно следует остановиться на соразмерности и пределах наказания за совершение преступлений, предусмотренных ст. 166, 167 УК Республики Беларусь и ст. 131, 132 УК Российской Федерации. Проведенный анализ обозначенных норм показывает, что размеры наказаний за эти преступления в Союзных государствах существенно отличаются. В Республике Беларусь максимальный размер наказания по ч. 3 ст. 166 и по ч. 3 ст. 167 УК составляет до 15 лет лишения свободы; в Российской Федерации по ч. 5 ст. 131 и по ч. 5 ст. 132 УК — до двадцати лет лишения свободы либо назначается пожизненное лишение свободы. Однако если белорусский законодатель предусмотрел самое строгое наказание за совершение таких преступлений в отношении малолетней, повлекших по неосторожности ее смерть или иные тяжкие последствия, заражение ее ВИЧ-инфекцией либо причинение ей тяжких телесных повреждений, то российский законодатель избрал высшую меру наказания за совершение указанных противоправных деяний в случаях, когда они осуществлены в отношении несовершеннолетней (несовершеннолетнего) либо повлекли

по неосторожности ее (его) смерть и при этом были совершены лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, совершены в отношении двух или более несовершеннолетних либо сопряжены с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления против личности [1; 2].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в российском уголовном законе прослеживается более строгий подход к назначению наказания за данные виды преступлений, продиктованный, как представляется, активизацией государственной политики, связанной с защитой половой неприкосновенности несовершеннолетних и, соответственно, осуществлением противодействия совершению сексуального насилия в отношении указанной категории лиц.

Однако если сравнить минимальные и максимальные размеры наказания в виде лишения свободы в Российской Федерации за совершение особо квалифицированного изнасилования или насильственных действий сексуального характера (ч. 5 ст. 131 или ч. 5 ст. 132 УК Российской Федерации) и квалифицированного умышленного убийства (ч. 2 ст. 105 УК Российской Федерации), в том числе сопряженного с совершением указанных преступлений (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК Российской Федерации), то следует обозначить, что в первом случае предусмотренный минимальный предел наказания более строгий (от пятнадцати лет лишения свободы), чем во втором (от восьми лет лишения свободы), а максимальные размеры наказаний при этом являются одинаковыми (до двадцати лет лишения свободы или пожизненное лишение свободы). Иными словами, наказание за совершение преступления, имеющего неосторожную форму вины, в случаях, когда жизнь человека выступает дополнительным объектом посягательства, существенно строже, чем за умышленное преступление с отягощающими обстоятельствами, в котором такой же объект посягательства выступает в качестве основного (убийство, сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера).

Представляется, что изложенный уголовно-правовой механизм разграничения размеров наказания является не в полной мере обоснованным, требует детального исследования и редакционного пересмотра указанных норм, поскольку в доктринальном толковании теории уголовного права прежде всего жизнь человека является высшей ценностью, охраняемой государством и уголовным законом.

Заключение. Таким образом, результаты проведенного сравнительно-правового анализа норм уголовного закона Республики Беларусь и Российской Федерации, предусматривающих ответственность за изнасилование и насильственные действия сексуального характера, позволили сделать вывод о том, что структурные признаки обозначенных норм в обоих государствах имеют одинаковую правовую конструкцию. Вместе с тем, как представляется, сформированные в настоящее время законодательные подходы в части разграничения данных видов преступлений только лишь по признаку совершения полового акта в естественной либо неестественной форме являются не в полной мере обоснованными, поскольку не соответствуют сформированному в обществе представлению об укладе половых отношений, доктринальному толкованию теории назначения и соотношения уголовных наказаний, другим действующим уголовно-запрещающим нормам, связанным с регламентацией преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы, в том числе насильственного (ст. 170 УК Республики Беларусь, ст. 133 УК Российской Федерации) и ненасильственного (ст. 168 УК Республики Беларусь, ст. 134 УК Российской Федерации) характера, в которых нет разграничения по признаку, связанному с формой совершения полового акта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.11.2025).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 15 окт. 2025 г. № 378-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 01.11.2025).

3. Уголовный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 27 окт. 1960 г. : в ред. Закона РСФСР от 30 июля 1996 г. № 103-ФЗ : утратил силу // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 01.11.2025).

4. Уголовное право: общая часть. Особенная часть / О. В. Бобылев, С. В. Бородин, С. С. Босхолов [и др.] ; под общ. ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина, С. В. Максимова. – М. : Юриспруденция, 1999. – 784 с.

5. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. – Т. 1 : Преступления против личности. – 1133 с.

6. Уголовный кодекс Франции // Россия: Библиотека Пашкова. – URL: https://constitutions.ru/?p=25017 (дата обращения: 01.11.2025).

7. Уголовный кодекс Голландии / под ред. Б. В. Волженкина ; пер. с англ. И. В. Мироновой. – 2-е изд. – СПб., 2001. – 510 с.

8. Уголовное право зарубежных стран. Особенная часть / под ред. И. Д. Козочкина. – М. : Камерон, 2004. – 528 с.

9. Уголовный кодекс Польской Республики на русском языке // Kowalak Jędrzejewska i Partnerzy Kancelaria Prawna. – URL: https://prawnikpoznanski.pl/ru/%D1%83%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81-%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9-%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA/ (дата обращения: 01.11.2025).

10. Бимбинов, А. А. Ответственность за изнасилование по уголовному законодательству Китайской Народной Республики / А. А. Бимбинов // Российский журнал правовых исследований. – 2018. – Т. 5, № 4. – С. 125–130.

11. Билалов, Р. К. Уголовная ответственность за насильственные половые преступления против несовершеннолетних в законодательстве зарубежных стран / Р. К. Билалов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2011. – № 3 (5). – С. 99–104.

12. Варданян, А. В. К вопросу о неоднозначной оценке беспомощного состояния в практике Верховного Суда Российской Федерации / А. В. Варданян, Е. В. Безручко // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2015. – № 3-2 – С. 9–16.

13. Скорченко, П. Т. Расследование изнасилований / П. Т. Скорченко. – М. : Былина, 2004. – 224 с.

Поступила в редакцию 03.11.2025 г.
Контакты: alprimakov@mail.ru (Примаков Алексей Николаевич)

Primakov A. N.

CRIMINAL LIABILITY FOR RAPE AND FORCED ACTS OF A SEXUAL NATURE UNDER THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE RUSSIAN FEDERATION

Based on the results of a comparative legal analysis of the criminal legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation establishing liability for rape and forced acts of a sexual nature, the article defines legislative approaches to determining the main criminal-law characteristics of these types of crimes. Problematic and debatable issues related to their qualification in investigative practice are identified, and substantiated conclusions and proposals aimed at their resolution are formulated. In order to improve legislative provisions governing the criminal-law regulation of the specified crimes, both from the standpoint of doctrinal interpretation within criminal law theory concerning the construction of a criminal offense and from the standpoint of the socially established system of sexual relations in the Union State, the necessity of modifying the legal structure and certain qualifying elements of Articles 166 and 167 of the Criminal Code of

the Republic of Belarus and Articles 131 and 132 of the Criminal Code of the Russian Federation is substantiated.

Keywords: *rape, forced acts of a sexual nature, sexual violence, sexual freedom, sexual inviolability, qualification, criminal liability.*